

У И Л Ь Я М
САРОЯН

УИЛЬЯМ
САРОЯН

МАМА, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

ЭКСМО

Москва
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
С 20

William Saroyan
MAMA I LOVE YOU

© 1956 by William Saroyan, reprinted with permission
of the Trustees of Leland Stanford Junior University

Перевод с английского *Р. Герман*

Сароян У.

С 20 Мама, я люблю тебя / Уильям Сароян ; [пер. с англ.
Р. Герман]. — М. : Эксмо, 2014. — 352 с. — (Забывтый
классик. Проза У. Сарояна).

ISBN 978-5-699-70762-1

Эта семья немногим отличается от любой другой. Разве что каждый понимает друг друга почти с полуслова, хоть родители и не могут ужиться в одной стране. Девятилетняя девочка, которая своему имени предпочитает семейное прозвище Сверкунчик, действительно любит свою Маму Девочку. И Папу Мальчика, и даже брата Пита Боливия Сельское Хозяйство. Но их семья уже целый год живет на разных континентах: мама покоряет театральные подмостки Нью-Йорка, а папа — залы парижских консерваторий. Родители называют это «развод» и никак не могут объяснить ребенку, что же значит это слово. Сверкунчику придется самой разбираться в непонятном языке и странном мире взрослых.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Герман Р., перевод на русский язык,
2013
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-70762-1

Прощай, Макарони-лейн!

Мама Девочка вышла из ванной, одетая со-
всем чуть-чуть, и спросила меня:

— Сколько сейчас времени?

— Восемь.

— Без десяти?

— Нет, ровно.

— На каких?

— На всех. Восемь, и ты опоздала, но ведь ты всегда опаздываешь.

— Родить тебя я не опоздала.

— Это я не опоздала. А ты просто ждала меня.

— Я в этих вещах разбираюсь лучше, — сказала Мама Девочка, — и можешь мне поверить, из нас двоих не опоздала я.

— Ну и не я.

При моем рождении, вот когда мы с Мамой Девочкой впервые познакомились и подружились. С тех пор мы не переставали дружить, но не про-

УИЛЬЯМ САРОЯН

ходит дня, чтобы мы с ней хоть раз серьезно не поссорились. Правда, потом мы всегда миримся. Живем мы с ней вдвоем и ходим везде вдвоем, если не считать, когда что-нибудь только для больших; тогда Мама Девочка идет, а я остаюсь, иногда с разовой няней, а иногда с Матушкой Виолой — матушкой одиннадцати больших мальчиков и девочек, которая приходит к нам по субботам и воскресеньям убираться, готовить и смотреть телевизор.

Я ждала Маму Девочку у нее в спальне, чтобы посмотреть, как она будет одеваться — потому что это она умеет. Лучших одевальщиц я не видела. Мама Девочка вся розовая, волосы у нее рыжие, и о том, как одеваться, она знает все. Сперва надо принять ванну, потом всю себя посыпать пудрой, потом покраситься, а уж потом приниматься за одевание. Когда все это сделаешь, становишься похожей на взрослую. Все это я могла бы сделать и сама, но пока я как палка и наощупь очень жесткая, а не мягкая. Маме Девочке тридцать три года, но она сердится, когда я об этом говорю.

— Мне двадцать два, и ты это знаешь, — говорит она.

— Если тебе двадцать два, — возражаю ей я, — то, значит, я еще не родилась, потому что, когда я родилась, тебе было двадцать четыре. Ты сама это говорила.

— А я тебя обманула, — отвечает на это Мама Девочка. — Просто мне не хотелось говорить тебе, что ты у меня появилась в тринадцать лет — вот и все.

— Ну и выдумщица ты! — говорю тогда я, а Мама Девочка спрашивает:

— А похожа я на женщину, которой тридцать три года? Ты ведь их много видела.

Конечно не похожа. Она вообще не похожа ни на кого, и каждую неделю она приходит из косметического салона совсем другая. Волосы у нее каждый раз другого цвета, и другого цвета лак на ногтях. А столько сортов губной помады, пудры и всякого такого, сколько есть у Мама Девочки, нет ни у одной женщины на свете.

Мама Девочка задымила сигаретой «Парламент» и села на свою кровать, на красное вельветовое покрывало. Она посмотрела на меня, улыбнулась, сделала затяжку, потом выпустила дым, и не похоже было, чтобы она спешила.

— Ты бы поторопилась, — сказала я.

— Зачем, я и так уже на час опоздала. Доберусь не раньше чем через полчаса, так что торопиться все равно бесполезно, а уж если опаздывать, то по настоящему.

— Понятно.

УИЛЬЯМ САРОЯН

— Что Матушка Виола приготовила тебе на ужин?

— Ее нет.

— А где же она?

— Не знаю. Она еще не приходила.

— Не может быть! — воскликнула Мама Девочка. — Неужели подведет? Она ведь прекрасно знает, что я на нее рассчитываю. Сказала ведь ей, чтобы к семи была у нас обязательно. Я думала, что, пока я сидела в ванне, она пришла.

— Нет, не пришла.

— Так с кем же тогда ты разговаривала?

— С Деб.

— С девочкой миссис Шломб?

— С Деборой Шломб.

— С каких пор вы с ней разговариваете как взрослые?

— А разве мы разговариваем как взрослые?

— Да. Я думала, ты разговариваешь с Матушкой Виолой. Я должна выяснить, в чем дело, почему ее до сих пор нет.

Мама Девочка взяла трубку телефона с тридцатифутовым шнуром, набрала номер, подождала, но никто не ответил.

Она погасила окурок в розовой пепельнице, на дне которой было написано что-то по-французски, и задумалась. Я всегда знаю, когда Мама Девочка

задумывается, потому что все в ней тогда утихает и становится совсем-совсем другим.

— Что случилось, Мама Девочка?

Мама Девочка улыбнулась немножко, а потом развела руки в стороны, и я прыгнула туда, и мы обнялись, и Мама Девочка сказала:

— Мой Лягушонок, мой Одуванчик, мой Кузнецик.

И я поняла, что Маме Девочке грустно. Когда ей грустно, она всегда называет меня чем-нибудь маленьким.

Она опять подняла трубку и быстро набрала номер, а потом начала разговаривать голосом, совсем не похожим на обычный. Она спрашивала о самолетах и расписаниях на сегодня, на любое время, только обязательно на сегодня. Я поняла, что тот, с кем она говорит, сначала не знал насчет сегодня, но в конце концов все узнал. Мама Девочка на секунду положила трубку, а потом быстро набрала другой номер.

— Клара, — сказала она, — мне очень жаль, но у нас ничего не выйдет. У меня все меняется, сегодня вечером я вылетаю в Нью-Йорк. Да, сегодня вечером... Это необходимо... О, я не знаю на сколько. Может быть, на месяц, может — больше, может — меньше... Ну конечно, миссис Нижинская едет со мной...

УИЛЬЯМ САРОЯН

Она послушала немного, а потом сказала:

— Не отходи, я ее спрошу.

И повернулась ко мне:

— Кларе хотелось бы, чтобы две-три недели или месяц, пока я буду в Нью-Йорке, ты жила у нее. Хочешь?

— Нет уж, спасибо, не хочу, — ответила я, — и ты это прекрасно знаешь. Зачем ты меня спрашиваешь, хочу ли я жить у Клары? Она называет меня миссис Нижинской и плутует в карты, а сама говорит, что я плутую.

— Она моя лучшая подруга.

— Не моя же, — сказала я. — Нет, поеду с тобой.

Мама Девочка сказала Кларе:

— Бесплезно, ее не уговоришь. Но все равно, с твоей стороны очень мило было пригласить ее. Когда вернусь, позвоню. До свидания.

Она положила трубку и ну носиться по комнате, вытаскивать чемоданы, кричать: сделай то, сделай это, проверь плиту, холодильник, заднюю дверь, другие двери, достань платье и зубную щетку.

Вот как случилось, что Мама Девочка и я полетели в Нью-Йорк — вместо того, чтобы Мама Девочка пошла на вечеринку, а я осталась с Матушкой Виолой.

«Звезда Ирландии»

Мама Девочка — актриса, вот почему мы полетели в Нью-Йорк. Потому что настоящий театр — только в Нью-Йорке. В самолете (это был лайнер компании «ТВА», и он назывался «Звезда Ирландии» — я сама прочла название, когда поднималась по ступенькам к дыре в бабочкином туловище, через которую люди попадают к своим местам) Мама Девочка сказала мне:

— Мне обязательно нужно получить хорошую роль в хорошей пьесе, потому что время идет и я не молодею. Сезон только начинается, и мне, чтобы получить хорошую роль, надо быть в Нью-Йорке. Последнее время я очень много занималась и теперь знаю, что я подготовлена — не как в прошлом году, когда я поехала в Нью-Йорк одна, а ты осталась дома с тетушкой Бесс на целых два месяца. Я читала и читала, но не могла получить роль, потому что не была подготовлена. Теперь — другое

УИЛЬЯМ САРОЯН

дело, и вот почему я беру тебя с собой, вместо того чтобы снова просить тетушку Бесс прийти пожить с тобой, потому что на этот раз у меня должно получиться и ко мне придет большой успех, а когда он придет, я накоплю тебе новых платьев и всего, чего ты только захочешь, а сейчас спи.

Но я была так от всего взбудоражена, что не могла спать. Самолет все время дрожал, и слышался шум, который всегда бывает на самолетах, а по проходу между сиденьями сновали люди.

— Мои золотые рыбки! — воскликнула я. — Что теперь будет с моими золотыми рыбками?

Мама Девочка купила мне однажды у Вулворта двух маленьких золотых рыбок по тридцать пять центов каждая в двух маленьких баночках шариком, и теперь они остались одни на туалетном столике в моей спальне, с десятицентовым пакетиком корма, которым некому их кормить.

— Черт с ними, с золотыми рыбками, — сказала Мама Девочка.

— Сейчас же возьми свои слова обратно. И как только у тебя повернулся язык сказать так о Мальчике и Девочке! Ведь они почти что лучшие мои друзья, и я целый год заботилась о них!

— Какой год?! Они всего-то у тебя около месяца. Я и не думала, что они проживут так долго. Я ку-

пила их только потому, что баночки одни стоят больше, чем я заплатила за них вместе с рыбками.

— А мне все равно, почему ты их купила. Я люблю моих золотых рыбок, и ты должна взять свои слова обратно.

— Беру, — сказала Мама Девочка. — И даже дам Кларе телеграмму: попрошу ее заглядывать к нам раз в неделю и их кормить.

— Два раза в неделю.

— Хорошо, два.

— Не забудь.

— Не забуду.

— Запиши.

Если Мама Девочка не запишет чего-нибудь, она обязательно забудет это сделать, но иногда она забывает даже то, что записала. Она записывает и записывает без конца, целыми днями. И вот сейчас Мама Девочка достала из сумки блокнотик и серебряный карандаш и записала: «Телеграмма Кларе кормить рыбок».

— Что-нибудь еще? — спросила она.

— Да. Что, если у тебя не получится?

— Лучше бы ты не задавала мне таких вопросов.

Надо, чтобы в этот раз обязательно получилось, а то будет поздно.

— Что будет поздно?

— Стать большой актрисой.

УИЛЬЯМ САРОЯН

— А ты разве не большая?

— Большая, но у меня не было пьесы. Кое-что я делала на телевидении, но это не в счет. Глупые роли в глупых пьесах, поставленных глупыми режиссерами. Мне тошно от телевидения, и мне необходимо попасть в настоящий театр.

— Зачем?

— Чтобы стать известной.

— А разве ты не известная?

— Еще не совсем. Я красивее всех на любой вечеринке, я знакома со всеми продюсерами, режиссерами, драматургами и актерами, но никто не вскакивает при моем появлении и не заявляет, что для его пьесы необходима именно я. Никто! Я этим сыта по горло. На этот раз у меня должно получиться! Надо, чтобы ты тоже в это верила, и тогда мне повезет.

— Хорошо.

— Вот умница!

— Верю, что ты получишь самую лучшую роль на свете и будешь в десять раз знаменитее Мэрилин Монро. Тебе ведь нравится Мэрилин?

— Ну конечно. Она ужасно милая, но ты подумай только, как ей везет!

— Тебе повезет больше, чем Мэрилин Монро.

— А теперь помолись и спи. Уже за полночь.

Я крепко-крепко зажмурилась и увидела оран-

жевый свет, но мне не нравился шум, который самолету нужно было все время делать, чтобы лететь.

— Вот и умница. Ты уже помолилась?

— Да, — ответила я, но не открыла глаз, потому что мне нравилось смотреть на оранжевое и на черное — оно только что появилось.

— Что ты просила?

— «Боже, сделай так, чтобы у Мама Девочки все получилось и она стала знаменитой, а я буду очень доброй к червякам».

— Но ведь ты, по-моему, и так к ним добра.

— Ну конечно. Я всегда была добра к ним.

— Но тогда почему ты говоришь, что ты будешь добра к ним?

— Ой, Мама Девочка, неужели ты не знаешь, как молятся? Я всегда прошу чего-нибудь, а потом что-нибудь обещаю.

— Да, но о каких червяках ты говоришь?

— Которые в саду. Я никогда их не давлю, а просто смотрю, как они ползают и извиваются.

— Ты спишь?

— Как бы я разговаривала с тобой, если бы я спала?

— Я хочу сказать: ты почти спишь?

— Думаю, что да.

— Тогда спокойной ночи.